

ИНВЕКТИВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

М. А. Можейко,

*проректор по научной работе и международным связям
Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла БГУ,
доктор философских наук, профессор*

Одним из своеобразных, но чрезвычайно устойчивых в культуре феноменов является инвектива.

Инвектива как таковая представляет собою особый культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста. Это же название применяется и для обозначения устойчивого языкового оборота, воспринимающегося в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата (англ. *investive* – обличительная речь, брань).

В философии культуры сложилась устойчивая традиция исследования инвективы в коммуникативном и общекультурном процессах (Дж. Х. Джексон, Р. Грэйвз, А. В. Рид, Х. Э. Росс, С. С. Фелдмен, К. Митчелл-Кернан, К. Т. Кернан, Дж. Брюкмен, Р. М. Адамс, В. Жельвис и др.).

Всемирный словарь нецензурных слов и выражений в Интернете дает материал для сравнительного (в количественном отношении) анализа инвектив в различных национальных культурах: так, максимально объемным комплектом ненормативной лексики и фразеологии (418 словарных гнезд) представлены инвективы английского языка, минимальным (2 словарных гнезда) – инвективы латышского (для сравнения: испанского – 310, голландского – 203, русского – 146, шведского – 120).

Механизмом инвективы, как правило, выступает моделирование ситуации нарушения культурных требований со стороны адресата инвективы, выхода его индивидуального поступка за границы очерчиваемой конкретно-национальной культурой поведенческой нормы, – независимо от степени реальности и в целом реалистичности обвинения (усеченным вариантом инвективы является векторно направленная на адресата артикуляция терминов, обозначающих физиологические отправления или части тела, фиксированные в данной традиции в качестве непристойных). Соответственно этому, сила инвективы прямо пропорциональна силе культурного запрета на нарушение той или иной нормы;

максимально инвективный смысл обретают, таким образом, вербальные конструкции, моделирующие табуированное поведение.

Это обстоятельство обуславливает широкий спектр семантического варьирования инвектив в зависимости от наличия и аксиологической наполненности в конкретных культурах различных нормативных требований и запретов.

Для архаических культур, аксиологически акцентирующих ролевую состоятельность и трудовые навыки, характерны инвективы, моделирующие формы поведения с низким адаптационным потенциалом (инвективы со значением «неумеха» у эскимосов или «безрукий» на Таити).

Для культур, акцентирующих пищевые запреты и предписания, типичными являются инвективы, связанные с моделированием ситуаций поедания табуированной пищи, несъедобных предметов, экскрементов (например, инвектива «ты ешь зеленых китайских тараканов» на Самоа).

Культурам, жестко регламентирующих сексуальную жизнь, присущи инвективы, моделирующие ненормативное поведение в данной сфере: инцестуозные инвективы (типа инвективного совета вступить в интимные отношения с собственной старшей сестрой или матерью в индийском механизме издевательского отказа жениху) и оскорбления, относящие инвектируемого субъекта к противоположному полу или предполагающие его перверсивность (адресованные мужчине синонимы латинского *clitor* на суахили; русская идиома, эвфемически замененная оборотом «на три буквы» и др.).

В культурах, высоко ценящих чистоплотность, в качестве инвектив воспринимаются вербальные модели несоблюдения гигиенических требований (инвективы со значением «грязный», «немытый» в немецкой и японской традициях, – ср. также выражения «грязные ругательства» в русском и *dirty dozen* («грязная дюжина») в аналогичном значении в английском языках).

Культурные традиции, высоко ценящие родственные узы, в качестве максимальных рассматривают инвективы, ставящие адресата вне семейных связей [*bastard* в итальянской культуре, *psia krew* («песья кровь») в польской, «сукин сын» в русской].

Для культур с остро артикулированной религиозной (в частности христианской) составляющей наиболее типичны инвективы, выводящие своего адресата из сферы божественного покровительства (англ. *God damn* – «будь ты проклят Богом») или связывающие его с нечистой силой (русское «иди к черту») и т.п.

Нарушения (выход за пределы культурной нормы) могут моделироваться в инвективах как в программно-технологическом, сценарном (инвективы со значением «неспособный» в большинстве архаических культур), так и в ценностном (например, «рогоносец» у большинства европейских народов) их проявлениях.

При переходе культурного запрета в разряд рудиментарных соответствующие инвективы утрачивают свой культурный статус, при смягчении запрета снижается их экспрессивность (см. стертую семантику современного общеевропейского «черт возьми» в сравнении с медиевальным: в средневековой Испании девушка, произнесшая эту инвективу, считалась морально падшей; аналогично, многочисленные табу, связанные с животными, делали зоонимы мощными инвективами в архаичных культурах, однако в современной культуре инвективы типа «зеленая черепаха» у китайцев или «конь» у сербов теряют свою экспрессивность, – между тем, инвективы «свинья» или «собака» сохраняют свой статус в контексте мусульманской культуры).

В экстремальном варианте частое употребление утратившей свой исходный смысл инвективы приводит к полной утрате ею инвективного значения («девальвации»). В вербальной практике массового сознания такие инвективы выступают в качестве своего рода «детонирующих запятых» (Дж. Х. Джексон).

С точки зрения своего адресования инвективы дифференцируются на:

1) направленные непосредственно на инвектируемого субъекта, т.е. моделирующие в качестве девиантного именно его поведение (все, приведенные выше);

2) ориентированные не на самого адресата инвективы, а на тех его родственников, чей статус мыслится в соответствующей культуре как приоритетный: так, при доминировании статуса отца инвективы направляются именно на последнего (индийская и кавказские культуры), в культурах, где доминирует почитание матери – на нее (русский и китайский мат); направленность инвективы на жену оскорбляемого подразумевает его неспособность защитить женщину или сексуальную несостоятельность (культуры Азии);

3) адресованные максимально сакрализованному в той или иной традиции мифологическому субъекту (от поношений Зевса в античной до оскорбления Мадонны в католической культурах). Инвектива в данном случае выражает досаду на себя или судьбу (и семантически замещает наказание, как бы иницируя его со стороны означенного субъекта) или выражает вызов року

(ср. немецкое *Donnerwetter* – буквально «грозовая погода» – и русское «разрази меня гром»).

Иногда в качестве ненормативного и нарушающего культурный канон моделируется поведение самого инвектанта, если это ставит в унижительное положение адресата инвективы (см. угрозу утопить врага в *semen* в ряде кавказских культур).

Семантическим ядром инвективы является сам гипотетический факт нарушения нормативного запрета (вербальная модель которого в контексте соответствующей культуры обладает предельной экспрессивностью), выступающий на передний план по отношению к непосредственному содержанию инвективы. В силу этого инвектива как культурный феномен практически не совпадает со своим денотативным смыслом, центрируясь вокруг смысла эмоционального: возможность адресации инвективы не требует ни малейшего реального соответствия поведения индивида предъявляемым ему в инвективе обвинениям (южноевропейские синонимы слова «гомосексуалист» или славянские синонимы слова «дурак», адресуемые оскорбляемым и просто неприятным инвектанту людям – вне какой бы то ни было зависимости от их сексуальных ориентаций и умственных способностей).

Кроме того, произнесение инвективы само по себе есть нарушение запрета, вербальная артикуляция табуированных реалий и действий, что погружает инвектанта в ситуацию, фактически аналогичную ситуации карнавала, позволяющей безнаказанно нарушать жесткие и безусловные в нормативно-стандартной, штатной ситуации запреты (М. М. Бахтин): от прямого пренебрежения запретом на сквернословие до моделирования для себя табуированных и кощунственных действий.

Катартический эффект, создаваемый ситуацией инвективы для инвектанта, рассматривается в философской и культурологической традиции как фактор предотвращения и снятия возможной агрессии: «тот, кто первым ... обругал своего соплеменника вместо того, чтобы, не говоря худого слова, раскрыть ему череп, тем самым заложил основы нашей цивилизации» (Дж. Х. Джексон).

С другой стороны, в культурах, где мало инвективных идиом (как, например, в японской), оформляется мощный слой этикетных правил и формул вежливости (Р. М. Адамс), а рост вандализма и беспричинных преступлений связываются со стиранием экспрессивности инвектив в современной культуре (В. Жельвис).

Таким образом, инвектива выступает как один из механизмов замещения реального насилия вербальной моделью агрессии